

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.6.2>

UDC 94(47)
LBC 63.3(2)5

Submitted: 17.06.2016
Accepted: 05.09.2016

**“AND YOU, VAMPIRE, ADMIRAL NAPIER, DON’T EXPECT THE BANQUET”.
THE CASE ON THE SURVEILLANCE OF THE BRITISH VICE-ADMIRAL
SIR CHARLES NAPIER IN ST. PETERSBURG IN 1856**

Aleksandr A. Orlov

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The Crimean War of 1853-1856 provoked the hostility between the Russian and the English peoples. This had contributed to the confrontational thinking in the consciousness of the two peoples. The changes in mentality had for a long time been anchored through the efforts of the authorities and the media of that time (newspapers, magazines and cartoons). Military operations had led to the fact that their members had realized the disparity of the imposed stereotypes. Disappointment with propaganda clichés prompted some British to think over the reason for their personal failure, to get acquainted closer with the life of former enemies and to inform the public of their country about truth.

The author carries out the analysis of unpublished archival documents from the State Archive of the Russian Federation (GA RF), which allow talking about the visit of former commander of the Baltic squadron of the English fleet, Vice-Admiral Ch.J. Napier to St. Petersburg in July 1856, and the surveillance of him by the Russian security police. Ch. J. Napier, motivated by the concepts of personal honour, aimed to get the Russian authorities’ confirmation of the correctness of his actions in the maritime campaign of 1854. He partially succeeded, but the Emperor Alexander II was not willing to meet with him. Ch.J. Napier had not succeeded in gaining justification from the British authorities either. Apparently, neither Russian nor British government no longer needed a positive image of the other country. The Russian-British relations had been tense (or worse) throughout the rest part of the 19th century. Russia reoriented to France and (to a lesser extent) to the United States, while Britain found itself at the threshold of the “splendid isolation” era. Only the appearance of Germany as a dangerous enemy, which had established at the borders of the British colonial possessions in different parts of the world and had finally broken the “balance of powers” in Europe, made London and St. Petersburg forget the disputes and jointly oppose Berlin in 1914.

Key words: Crimean War of 1853-1856, the United Kingdom, France, national stereotypes, Vice-Admiral Ch.J. Napier, surveillance of foreigners in Russia, Third Department of His Imperial Majesty’s Office.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5

Дата поступления статьи: 17.06.2016
Дата принятия статьи: 05.09.2016

**«А ТЕБЯ, ВАМПИР, АДМИРАЛ НЕПИР, ЖДЕТ У НАС НЕ ПИР».
ДЕЛО О СЛЕЖКЕ ЗА БРИТАНСКИМ ВИЦЕ-АДМИРАЛОМ
СЭРОМ ЧАРЛЗОМ НЕПИРОМ В ПЕТЕРБУРГЕ В 1856 г.**

Александр Анатольевич Орлов

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Крымская война 1853–1856 гг. сделала русских и англичан врагами. Это способствовало появлению в сознании двух народов конфронтационного мышления. Изменения в менталитете были на длительное время закреплены усилиями властей и средств массовой информации того времени (газет, журналов и карикатур). Военные действия привели к тому, что их участники убедились в несоответствии навязанных им стереотипов действительности. Разочарование в пропагандистских клише побудило некоторых британцев задуматься, в чем заключалась причина постигшей лично их неудачи, ближе познако-

миться с жизнью бывших врагов и донести до общественности своей страны какую-то часть правды. В статье на основе анализа неопубликованных архивных документов из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) рассказано о визите в Петербург в июле 1856 г. бывшего командующего Балтийской эскадрой английского флота вице-адмирала Ч.Дж. Непира и о слежке, установленной за ним русской тайной полицией. Непир, руководствовавшийся понятиями личной чести, хотел добиться от русских властей подтверждения правоты своих действий в морской кампании 1854 года. Частично ему это удалось, но император Александр II не пожелал с ним встретиться. Непир не добился оправдания и от британских властей. Видимо, ни русскому, ни британскому правительству уже не нужен был позитивный образ другой страны. Российско-британские отношения были напряженными (если не сказать большего) на протяжении всей оставшейся части XIX века. Россия переориентировалась на Францию и (в меньшей степени) на США, Великобритания стояла на пороге эпохи «блестящей изоляции». Только появление в лице Германии опасного противника, утвердившегося на границах британских колониальных владений в разных частях света и в конце концов сломавшего «баланс сил» в Европе, заставило Лондон и Петербург забыть разногласия, совместно выступив против Берлина в 1914 году.

Ключевые слова: Крымская война 1853–1856 гг., Великобритания, Франция, национальные стереотипы, вице-адмирал Ч.Дж. Непир, слежка за иностранцами в России, III-е Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии.

Крымская война 1853–1856 гг. впервые в истории отношений России и Великобритании, насчитывавших к этому времени 300 лет, по-настоящему сделала русских и англичан врагами. В начале XIX в. (в 1807–1812 гг., в эпоху Тильзитского мира) две страны первый раз официально находились в состоянии войны. Но тогда между ними не произошло столкновений на суше, хотя были отдельные кровопролитные сражения на море, были убитые, раненые и пленные, ограбленные города и деревни на морском побережье северо-запада и севера России, захваченные торговые и рыболовецкие суда [9, с. 124–198]. Однако в Петербурге и Лондоне понимали: настоящим врагом обеих держав является европейский диктатор Наполеон I, поэтому не хотели доводить дело до окончательного разрыва. Следствием такой «бездымной войны» (выражение дореволюционного историка Н.Ф. Дубровина [1, с. 293]) стало то, что у русских и англичан не сформировались устойчивые негативные образы друг друга. Напротив, совместная тяжелая борьба против Наполеона в 1812–1815 гг. привела к формированию в сознании союзных народов в целом позитивных национальных стереотипов (Джон Булль – мужественный защитник родного очага и крестьянин Иван Долбила – русский патриот, насаживающий на вилы трусливых французов).

Впоследствии российская правящая элита в кризисные периоды всегда надеялась на помощь или хотя бы на нейтралитет Великобритании, как страны, не менее России заинтересованной в сохранении установленного Вен-

ским конгрессом 1814–1815 гг. «баланса сил» великих держав в мире. Соответственно, официальная идеология в течение длительного периода формировала в сознании подданных в целом положительный образ англичанина, хотя в народном менталитете существовал двойственный образ «англинского немца», в котором можно увидеть примерно одинаковое количество позитивных и негативных черт [9, с. 253]. Это, кстати говоря, облегчало властям задачу «переформатирования» сознания россиян в случае необходимости. В Великобритании наблюдалась иная ситуация. Кризисы Венской системы 1820–1840-х гг., когда Петербург действовал в русле политики «легитимизма», а Лондон поддерживал правительство, пришедшие к власти в том числе и революционным путем, лишь бы они не покушались на «баланс сил», периодически возрождали в британской прессе антироссийские клише XVIII века. Тем не менее всегда находились британцы, связанные с Россией, которые руководствовались собственными представлениями о стране и ее народе [2, с. 13–20].

Очередной кризис Венской системы привел к Крымской войне. Война была уже не «бездымной», а самой настоящей и кровавой. В росте влияния России на Балканах и Ближнем Востоке Великобритания увидела стремление нарушить «баланс сил» и перекрыть пути коммуникаций с Османской империей и с английскими владениями в Индии. Угрозу геополитическим и экономическим интересам страны следовало немедленно ликвидировать,

и здесь никакое оружие не было лишним. Кроме политической, экономической и военной подготовки, Лондон начал раскручивать маховик антирусской пропаганды. Вспомнили весь набор проверенных негативных стереотипов: русский медведь, грабитель-казак, русский император – деспот и тиран восточного типа, его подданные – бессловесные и тупые рабы, по природе своей они – не европейцы, а азиаты, согнанные с помощью насилия в угрожающие Европе полчища варваров, и т. д. [14].

Но и Петербург к тому времени в полной мере владел мощными пропагандистскими приемами. Длительная идейная борьба с Наполеоном I дала в руки правительства Александра I значительный арсенал средств морального уничтожения противника в глазах европейского общественного мнения. Николай I умело их использовал и дополнял новыми. После вступления Великобритании и Франции в войну в 1854 г. русская пресса, полностью подконтрольная властям, начала представлять правителей вражеских стран предателями христианства, из чисто корыстных побуждений вставших на защиту мусульманской Османской империи, которую они же сами впоследствии собираются разорвать на части. «Французским собакам» (french dog – английское ругательство эпохи революционных и наполеоновских войн) напоминали о трагедии 1812 г., предрекая им такую же ужасную судьбу, как и их предкам. Английским «лавочникам» предлагали вспомнить о грядущей расплате, в том числе и загробной, за помощь нечестивому султану. Над «несчастливыми» турками смеялись в голос и, одновременно, жалели османов, попавших в железные лапы европейских капиталистов. По отношению к сардинцам, неожиданно для Петербурга оказавшимся в стане союзников, определиться не успели, но, в общем, тоже жалели несчастных подданных короля Виктора-Эммануила II, проливших свою кровь не за свои интересы.

Широкий размах пропагандистских кампаний сыграет злую шутку с ее инициаторами. Вера в газетные штампы, изображающие Россию «колоссом на глиняных ногах», а Великобританию и Францию – прибежищем разнообразных мерзавцев, как собственных, так и пришлых, не позволила в полной мере, и преж-

де всего морально, подготовиться к борьбе с врагом. В России распространились «шапкозакидательские» настроения. Английские солдаты и офицеры совершенно не представляли себе, с кем им предстоит сражаться. Журналист У.Г. Рассел (во время войны он в качестве репортера газеты «Таймс» находился на театре военных действий вплоть до падения Севастополя), рассказывая о трудном марше англичан и французов от Евпатории к р. Альма, где их ждала кровавая битва, писал задолго до Л.Н. Толстого, но совершенно потолстовски: «И зачем только эти тысячи людей, которые за всю свою жизнь не видели ни одного русского, идут, чтобы убить как можно больше этих самих русских? Но они подчинялись приказам» [10, с. 26]. Описывая преследование отступающих от Севастополя войск генерала от инфантерии П.Д. Горчакова кавалерией лорда Лекэна¹, Рассел указывает: это был единственный английский генерал, «который хоть что-то знал о русских: лорд Лекэн находился при русской армии во время войны 1829 года» [10, с. 53].

Особенно много внимания русские авторы уделили английским морякам, напавшим на Россию с трех сторон – на Балтийском море, в Крыму и на Тихом океане у порта Петропавловск. Их в газетах и журналах именовали не иначе как разбойниками, отъявленными пьяницами и «красными раками» (хотя мундиры моряков были темно-синего, а не красного цвета, но здесь действовал устойчивый стереотип английского вояки), обещали щедро «угостить» ядрами и заставить упиться русской водой. Впрочем, при чтении всех этих ура-патриотических произведений заметна одна важная особенность. Если по отношению к французам, не говоря уже о сардинцах и турках, у авторов нет сомнений в легкой победе, то применительно к англичанам проклятия и жалобы чередуются с выражением желания как можно быстрее помириться с «коварным Альбионом». Это было вызвано важностью издавна существующих экономических, особенно внешнеторговых, связей России с Англией [9, с. 15, 33, 219–220, 258–260].

Главным объектом пропагандистского осмеяния в русской прессе стал командующий британской эскадрой в Балтийском море

вице-адмирал сэр Чарлз Джон Непир (Нэпир, Напир, Нейпир, Напьер, Napier, 1786–1860). Парадокс заключается в том, что именно он был одним из немногих высших британских офицеров (боюсь сказать – единственным), которые, согласившись на занятие ответственного поста, все-таки предупреждали свое правительство об огромной трудности предстоящей войны с Россией. Почему же так произошло?

Шотландец Непир – героический морской офицер, начавший служить на флоте волонтером в 1799 году. Он отличился в нескольких морских и сухопутных кампаниях эпохи наполеоновских войн, получив первое боевое крещение в 1806 году. За это время был трижды ранен и награжден орденом Бани (1815 г.). Однако его не миновали и политические проблемы, поскольку Непир отличался свободомыслием, резкостью высказываний и не боялся критиковать правительство. (Его биограф Дж.К. Лаутон пишет: за смуглость лица Непира называли «Черным Чарли», а за нестандартность поведения – «Сумасшедшим Чарли» [15, р. 44].) В 1833 г. он перешел в португальский флот, получив там чин вице-адмирала, а в 1834 г. – адмирала. Свои действия красочно изобразил в работе «Описание войны в Португалии между Доном Педро и Доном Мигелем» (“An Account of the War in Portugal between Don Pedro and Don Miguel”, 2 vols, 1836 г.). Здесь проявилось стремление Непира приписывать все успехи только себе, за что его много раз упрекали современники и потомки. Впрочем, такая черта характерна для подавляющего большинства полководцев, оставивших после себя мемуары. Редко кто из генералов напишет, что он был только «на подхвате».

Непир вернулся на английскую службу в январе 1839 г., став в следующем году коммодором. Ему довелось участвовать в боевых действиях против войск Ибрагима-паши – приемного сына правителя Египта Мухаммеда Али, воевавшего с османским султаном Махмудом II. За выдающиеся достижения возведен в рыцари-командоры ордена Бани, награжден русским орденом Святого Георгия 3-го класса (16 ноября 1840 г.), австрийским Военным орденом Марии-Терезии 3-й степени, прусским орденом Красного Орла 3-й сте-

пени и турецким орденом Меджидие 1-го класса с бриллиантовой звездой (султан прислал ему также украшенную бриллиантами шпагу). После возвращения в Англию занял почетную должность морского адъютанта королевы Виктории и командовал некоторое время флотом в проливе Ла-Манш (Channel Fleet). В 1841–1847 гг. был депутатом Палаты общин британского парламента от округа Мэрилебон (Marylebone). Е.В. Тарле пишет о том, что в парламенте Непир «числился лучшим авторитетом по морским вопросам, и снискал себе репутацию дельного, способного и умного человека» [12, т. II, с. 53].

В 1846 г. он, наконец, получил давно им заслуженный чин контр-адмирала. 28 мая [н. ст.] 1853 г. стал вице-адмиралом и после начала Крымской войны назначен (в феврале 1854 г.) командующим британской эскадрой в Балтийском море. Честолюбивого Непира сильно уязвило это назначение, поскольку он считал себя вполне способным возглавить главные силы флота, отправленные в Средиземное, а потом в Черное море под командованием вице-адмирала сэра Дж. Дандаса [12, т. II, с. 53]. Все же Непир принял назначение, тем более, что неприятное впечатление от решения правительства было сглажено торжественным прощальным банкетом с участием лордов Адмиралтейства, некоторых министров, представителей двора и аристократии, данным ему 7 марта [н. ст.] 1854 г. одним из самых значительных политических клубов Лондона (либеральным «Клубом Реформы» – Reform Club). Председательствовал министр иностранных дел Г.Дж. Темпл, лорд Пальмерстон. Банкет затянулся надолго, и в самом его конце, когда подали спиртные напитки, была произнесена речь с утверждением, что сэр Чарлз с Божьей помощью через три недели возьмет Петербург. «В газетах и в позднейшей полемике эта фраза передавалась в нескольких вариантах: не возьмет Петербург, а будет только бомбардировать, а только прорвется и т. д. Указывалось также, что не сам Непир выразил эту мысль, а другой оратор. <...> Друзья Непира настаивали впоследствии, что вообще было чрезвычайно много выпито, а сам Непир устами Батлера Ирпа, которому передал потом все документы о Балтийском походе, назвал

это заявление «послеобеденной шуткой (after dinner jocularly)». Но эта «послеобеденная шутка» имела очень большой отклик и успех и в Англии, и во Франции, и в Швеции, и ее гораздо дольше трех недель очень многие продолжали принимать вполне всерьез» [12, т. II, с. 54–55].

Громкое заявление на лондонском банкете стало быстро известно в Петербурге. Оно дало повод к появлению большого количества патриотических стихотворений и якобы «народных» и «солдатских» песен, которые в основном сочинялись петербургскими журналистами и литераторами, например, издателем газеты «Северная пчела» Ф.В. Булгариным. Вот одно из таких анонимных стихотворений под названием «Песня кронштадтских артиллеристов», тоже, возможно, написанное Булгариным:

(1) Пусть себе в Кронштадт плывут
Красные мундиры:
То-то славно их проймут
Наши бомбардиры!..

(2) «Адмирал их взглянет нас», –
Скажем командиру
И прицелим прямо в глаз
Смелому Непиру.

(3) Он, задравши кверху нос,
Поклялся пред светом,
Что наемный их матрос
Разобьет нас летом.

(4) Берегись, хвостун Непир,
Вздор язык твой мелет:
Ведь за это бомбардир
Прямо в нос прицелит!..

(5) Нет уж, вам несдобровать,
Красные мундиры:
Будут метко в вас стрелять
Наши бомбардиры.

(6) Нам сказал Великий Князь ²:
«Молодцы, ребята!»
Мы врагов затопчем в грязь,
Не сдадим Кронштадта!..
(цит. по: [8, с. 87]).

Подобных стихов появилось тогда так много [8, с. 85], что Непир стал самым популярным «героем» русской читающей публи-

ки, уступая, наверное, только Пальмерстону, которого в России считали главным поджигателем войны. Среди русского простонародья распространялись дешевые лубочные картинки со стихотворной подписью-каламбуром: «А тебя, вампир, адмирал Непир, ждет у нас не пир» [12, т. II, с. 95].

Сам Непир понимал, что с ходу взять русские крепости на Балтийском море (Ревель, Свеаборг, Выборг и Кронштадт) усилиями одного только флота будет делом очень нелегким, а, скорее всего, и невозможным. Необходимо было подготовить почву для отступления. Весной 1854 г. в Лондоне вышла анонимная брошюра «Русская война и блокада Балтики» (“The Russian War and Blockade of the Baltic by an Admiral”), принадлежащая перу действующего адмирала, не указавшего поэтому свое имя на обложке. Автор писал: «Оставляя в стороне желание, которое может возникнуть в нашей стране, – желание слышать о блестящих успехах, о победах, может быть, дорого купленных, – для какой надобности было бы делать нападения на берег, который, говорят, защищен лучше, чем когда бы то ни было? Следует припомнить также, что берега Финского залива, насколько они известны (а буера и маяки оттуда убрали), в высшей степени опасны, сравнительно с нашими». Кроме того, адмирал предупреждал: не следует пренебрегать качеством личного состава русского флота (цит. по: [12, т. II, с. 52–53]). Есть большая доля вероятности, что анонимным автором был Непир, старавшийся заранее оправдаться за возможные неудачи. Стиль и аргументация брошюры совпадают с его донесениями в Адмиралтейство.

Предчувствия не обманули старого адмирала. Единственным достижением кампании 1854 г. (если не считать захвата купеческих и рыболовецких судов) стало взятие в августе (совместно с французским флотом) крепости Бомарзунд на Аландских островах. (Определяющего влияния на ход кампании успех союзников не имел, но «относительная близость этого театра войны к Петербургу, непривычные для русского слуха слова о сдаче, – все это вселяло беспокойство и горечь» [12, т. II, с. 94]. Первыми, однако, пострадали петербургские англичане и французы. На всякий случай [для пресечения возможной связи

с врагом] им запретили летом жить на дачах в прибрежных окрестностях столицы [5].) Не имея достаточных средств для решительных действий, Непир отказался атаковать Свеаборг и Выборг, за что подвергся строгому порицанию Адмиралтейства. «Затравленный и почти всеми покинутый, даже теми, кого считал близкими друзьями, Непир прибыл 18 декабря [н. ст.] в Лондон, где и явился к первому лорду адмиралтейства Дже[й]мсу Грэхему и высказал первому лорду то, что было на душе, не очень затрудняя себя в выборе выражений. Из Лондона он хотел вернуться на свой флагманский корабль, но последствия слишком воодушевленного разговора с Грэхемом сказались быстрее, чем он предполагал». 22 декабря [н. ст.] 1854 г. он был снят с должности командира эскадры и отправлен в отставку [12, т. II, с. 97–98].

Непира больше никогда не назначали на командные посты. Для утешения обиженного адмирала или для того, чтобы заткнуть недовольному рот, его (в июле 1855 г.) наградили Большим крестом ордена Бани. (6 марта [н. ст.] 1858 г. он станет полным адмиралом.) Но Непир категорически отказался принять орден, заявив: «...пока с него не снят позор, он не может получать компенсацию за несправедливые нападки на его репутацию, “остающиеся пятном на его щите”» (цит. по: [12, т. II, с. 98]). Разгорелся большой политический скандал, который стал сигналом для властей о том, что морской волк не сложит оружия, пока не оправдается. В 1855 г. Непир добился избрания в парламент от округа Саутворк (Southwark) и занимал место в Палате общин до своей смерти в 1860 году. В марте 1856 г. он участвовал в прениях при рассмотрении результатов парламентского расследования о неудачной кампании 1854 года. Адмиралтейство выступило против него «сомкнутым строем», и реабилитация не состоялась [12, т. II, с. 98]. Тогда Непир в рыцарских традициях обратился за помощью к недавнему врагу. В июле 1856 г. он без разрешения своего правительства (но с согласия петербургских властей) посетил Петербург, добился встречи с великим князем Константином Николаевичем и получил от него подтверждение правоты своих действий. (Об этом визите и сопровождавших его обстоятельствах я расскажу далее.)

29 октября [н. ст.] 1856 г. Непир отправил Пальмерстону подробное письмо³ с дословной передачей разговора с великим князем, попросив позднее (в ноябре) Константина Николаевича подтвердить его подлинность. Ответа от Пальмерстона не было и не могло быть. Министр не мог признаться в том, что английская эскадра была послана в Балтийское море недостаточно подготовленной, лишь для вовлечения Наполеона III в более действенное участие в войне [12, т. II, с. 91–93, 98–99]. Учитывая эти обстоятельства «большой политики», ясно, что реабилитация Непира не могла состояться. Но, по словам Тарле, природа отказала адмиралу в даре «улавления дипломатических тонкостей» [12, т. II, с. 87]. Он не успокоился и в 1857 г. опубликовал при помощи подставного издателя (Дж.Б. Ирпа) всю свою переписку с Адмиралтейством за время кампании 1854 г. [16]. Тарле пишет: «Самый сборник этот только потому и увидел свет, что Непир, разъяренный против своего правительства и адмиралтейства, решил выдать их с головой и этим спасти свою честь» [12, т. I, с. 43]. Один экземпляр сборника 1857 г. был послан в подарок великому князю Константину Николаевичу. В дополнение к первой публикации родственник адмирала генерал-майор Элерс Непир в 1862 г. осуществил посмертное издание его бумаг в двух томах [17].

В июле 1856 г. Непир прибыл в Петербург. Почему Александр II дал согласие на этот визит? Видимо, ему было выгодно еще раз и с помощью беспристрастного свидетеля убедить Англию, а через нее и другие великие державы, в неприступности балтийских крепостей, силе флота и в их готовности в любой момент отразить нападение врага. Сразу после войны наметилось франко-русское сближение [11, с. 471–472]. Если бы еще удалось быстро восстановить взаимовыгодные торгово-экономические связи с Англией (а в Лондоне с тревогой наблюдали за возникновением альянса Парижа и Петербурга), была бы надежно обеспечена безопасность России и получены финансовые средства для проведения буржуазно-либеральных реформ, планы которых вынашивались окружением Александра II.

Непира «...принимали очень любезно, возили по всем кронштадтским укреплениям,

показывали флот и т. д., и он писал потом, что окончательно удостоверился в несокрушимой силе этих укреплений и невозможности взять Кронштадт» [12, т. II, с. 51]. Мы можем более подробно узнать о том, как принимали Непира в России, поскольку за ним было установлено тайное наблюдение и каждый его шаг становился известным главе III-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии и шефу жандармов генералу от кавалерии князю В.А. Долгорукову, а через него императору. Пролить свет на обстоятельства этой слежки позволяют материалы дела (на обложке надпись: «Хранить на всегда») из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Они впервые вводятся в научный оборот. Благодаря им можно лучше представить себе ситуацию в послевоенном Петербурге; выявить настроения, существовавшие в высших эшелонах власти, а также отношение представителей различных социальных групп русской столицы к британцам; познакомиться с оценками, которые давали петербургские англичане действиям своего флота в Балтийском море в минувшую войну.

Слежка за Непиром велась с 6 июля 1856 г., то есть с момента прибытия в Петербург. В этом не было ничего экстраординарного. Следили за всеми приезжими иностранцами, в том числе (и особенно) за послами великих держав [6; 7; 13, с. 206]. Иностранцев, кроме того, по закону обязывали посещать III-е Отделение и давать полные сведения о себе и своих спутниках. Это был еще один канал получения важной информации. Так, прибывший на одном пароходе с Непиром лейтенант британского ополчения (милиции) Гартвель (Хартуэлл?) при явке в III-е Отделение сообщил, что адмирал рассказывал ему о предстоящей встрече с великим князем Константином Николаевичем, на которую тот придет из Петергофа, и о том, что будет представляться императору. Другой англичанин – мастер Петергофской бумагопрядильной фабрики Максвель (Максвелл) – поведал жандармам: «...Непир⁴ прибыл сюда без разрешения его Правительства и не был у посланника Вудгауза⁵, который... удивился, увидев его в воскресенье в Английской церкви⁶. Максвель присовокупил, что Непир упрямый человек и что его место не здесь» [4, л. 5]. В этих сло-

вах выражено недовольство петербургских англичан, для которых неожиданный визит Непира в Петербург выглядел как ненужная демонстрация послевоенного раскола британской нации, ослабляющего авторитет и силу страны в глазах русских. Недовольство выражалось и в колких шутках по поводу странного поступка выжившего из ума старика, приехавшего в Россию в совершенном одиночестве вторично «покорять Петербург».

Адмирал поселился в гостинице англичанки г-жи Бенсон на Галерной улице. Агент III-го Отделения сообщал: «Хотя в иностранных газетах уже довольно давно тому назад писали о намерении Непира посетить Россию из любопытства, но, тем не менее, приезд его ныне в С. Петербург был для здешних Англичан совершенно неожиданным. Он прибыл без всякой прислуги, и один вошел в гостиницу г-жи Бенсон, прося дать ему комнату. Победив там за общим столом, он попросил находившегося с ним здешнего негоцианта Англичанина Гилля⁷ показать ему острова, и затем отправились они вместе на минеральные воды, к Излеру⁸, где к ним присоединился заводчик Берд⁹. Англичане вообще говорят о Непире с улыбкою на устах, как о добром и веселом старике, оказавшем некогда услуги отечеству, но в настоящее время уже неспособном к важным предприятиям» [4, л. 7].

На минеральные воды Излера трое англичан приехали вечером. Появление там Непира вызвало настоящий фурор у отдыхающей на курорте праздной петербургской публики. Каждый хотел увидеть того, кто два года назад угрожал захватить с ходу столицу Российской империи. «Когда между посетителями сделалось известно присутствие Непира, то начали около него толпиться и Берд советовал ему скорее уехать», – сообщал агент. 7 июля Непир ездил в Петергоф [4, л. 3], но там ничего достойного упоминания в донесении с ним не случилось. Видимо, жандармы и полиция уже приняли меры для предотвращения подобных казусов.

Действительно, происшествие на минеральных водах Излера заставило власти изменить тактику наблюдения за Непиром. Опасались, видимо, любого проявления общественной активности, как позитивного, так и негативного по отношению к английскому го-

стю. В воскресенье, 8 июля, Долгоруков приказал следить за ним (тщательно и совершенно негласно) с помощью агента III-го Отделения Лонланда (фамилия или агентурная кличка написана в деле неясно, вероятно, это был агент из числа петербургских англичан¹⁰), «или другим способом». Долгоруков требовал, чтобы отчеты о том, куда ездил Непир и с кем виделся, присылали каждые два дня с каждым фельдъегерем. Одновременно он отдал распоряжение об организации такой же слежки за иностранцем Ножканзи (Ношканзи?), прибывшим в столицу с австрийским паспортом. «Он был в старое время и, кажется, остается теперь одним из лучших приятелей Людвига Наполеона (то есть Наполеона III. – А. О.)», – писал глава жандармского ведомства. В постскриптуме он добавлял: «Я надеюсь, что наблюдение будет самое ловкое и тихое» [4, л. 1–2 об.]. Раздражать подопечных навязчивым вниманием не собирались, видимо, желая получить от обиженного британскими властями георгиевского кавалера важную информацию о политических и военных деятелях Великобритании (возможно, о Пальмерстоне), а от Ножканзи – о намерениях и действиях Наполеона III.

За Непиром постоянно следили не менее трех агентов наружного наблюдения, судя по тому, что их донесения написаны разными почерками. 9 июля утром он был в Главном Адмиралтействе, а потом в Эрмитаже. Его сопровождали приехавшие с ним на одном пароходе англичане Ренни и Гартвель. В 7 часов вечера ходил в Новое Адмиралтейство «и там все осматривал». Оттуда вернулся в гостиницу и провел вечер с Ренни и Гартвелем [4, л. 6].

10 июля состоялась встреча Непира с великим князем Константином Николаевичем, о которой я упоминал выше. Она продолжалась два часа, с 10 до 12 часов утра, и после нее адмирал вернулся в гостиницу в сопровождении адъютанта великого князя, чем было подчеркнута уважение к иностранцу. В половине второго Непир, вместе с пятью английскими туристами, еще раз посетил Новое Адмиралтейство и внимательно его осмотрел. Ему «поднесена была [гостевая] книга от Адмиралтейства, где он и росписался (так в тексте. – А. О.)». В четыре часа, вместе с не-

названным спутником (с Лонландом?), отправился в Петропавловскую крепость, заехал в домик Петра I, потом обедал в гостинице Hotel des Princes на Большой Морской улице и вернулся к себе на квартиру. В семь часов, опять со спутником (с тем же?), поехал кататься на извозчике, был в доме Энгельгардтов¹¹, в магазине Русских изделий и в Пассаже. На вокзале Московской железной дороги сел в поезд и доехал до Невского монастыря. Домой вернулся в 10 часов вечера [4, л. 4–4 об.].

Утром 11 июля Непир нанес неожиданный визит в канцелярию III-го Отделения. (Возможно, ему намекнули на необходимость сделать это перед посещением Зимнего дворца спутники из числа петербургских англичан, или он сам узнал о существующих правилах для иностранцев. Так или иначе, адмирал просил выдать ему необходимые документы [контрамарку] для проживания в Петербурге.) Долгоруков принял его в своем кабинете. У них состоялся короткий разговор, во время которого Непир отзывался с похвалой обо всем увиденном и выражал сожаление по поводу войны Англии с Россией. «Много издержано денег, – сказал он, – вы, по крайней мере, сделали издержки с пользою, а мы без наималейшей пользы!» Об этом, а также о том, что Непир выражал желание через некоторое время поехать в Ревель, Долгоруков, обобщив данные наблюдения за предыдущий период, через два дня сообщил императору [4, л. 8, 11].

В тот же день (11 июля, с 12.00 до 13.00) Непир был в Зимнем дворце и в течение часа осматривал его. Потом он также в течение часа осматривал Исаакиевский собор и в 14.00 был дома. Немного отдохнув, отправился к перевозу через Неву, нанял лодку, посетил Морской корпус, у входа в Горный корпус отдал часовому свою визитную карточку (этот прием в XIX в. заменял личное посещение), оттуда пошел в Александровский парк у Петропавловской крепости и в 6 часов вечера вернулся на квартиру. В половине девятого адмирал снова вышел на прогулку, долго гулял по улицам и, как сообщал следивший за ним агент, «вынимал записную книжку и записывал». (Весьма подозрительный для жандармов факт. Но, скорее всего, он записывал пришедшие на ум тезисы для будущего оправда-

ния в парламенте и в печати.) В 22.00 объект наблюдения уже был в гостинице. Агент также получил информацию о том, что в субботу, 14 июля, «он по[е]дет в Кроншта[д]т и от туда в Гельзингфорс (так в тексте. – А. О.) и Ревель» [4, л. 10].

12 июля Непир утром снова пошел пешком в Главное адмиралтейство и оттуда вернулся домой в половине второго [4, л. 13]. До 6 часов вечера был дома, ожидая известия от министра иностранных дел князя А.М. Горчакова, «когда может представиться Государю Императору» [4, л. 12 об.]. Не дождавшись приглашения, отправился на вокзал Царскосельской железной дороги и доехал до Павловска. Вернулся домой ночью (в 24.00).

Хотя Непир уже виделся с великим князем Константином Николаевичем, то есть добился того, ради чего приехал в Петербург, он все же очень хотел получить аудиенцию у императора. Но тот не пожелал с ним встретиться. Непиру объяснили, что Александр II уехал на отдых в Эстляндию, в курортное местечко Гапсаль. Причины возникшей вдруг холодности неясны, хотя, возможно, тут все на поверхности. Через агентуру III-го Отделения были получены важные сведения о том, что адмирал больше не имеет авторитета среди политической элиты Великобритании и у широкой общественности. Пытаться использовать его в дипломатической игре бесполезно. К тому же надежды на быстрое восстановление торговли с Англией явно не оправдывались, и правящие круги России начали проводить политику сближения, кроме Франции, с потенциальным конкурентом «туманного Альбиона» – США. Видный российский американец И.И. Курилла считает, что «в годы Крымской войны сформировался фактический союз двух стран» [3, с. 121]. Американские специалисты сыграли решающую роль и в послевоенном перевооружении русской армии [3, с. 189].

Интерес российских властей к Непиру исчез, и Долгоруков просил (несомненно, по распоряжению императора) своего предшественника на посту главы III-го Отделения генерал-лейтенанта Л.В. Дубельта¹² поскорее выхлопотать для иностранца заграничный паспорт в канцелярии петербургского военного генерал-губернатора. Адмирала подталкивали к отъезду из России, где он был больше не нужен.

Паспорт доставили в гостиницу г-жи Бенсон утром 13 июля. Но не таков был старый упрямец, чтобы молча проглотить обиду и убраться восвояси. Находившийся около него агент сообщал в донесении Долгорукову: после вручения паспорта Непир «приказал очень вас благодарить, присовокупив, что сам еще не знает, когда уедет. Г-жа же Бенсон... рассказывала, что он намерен дожидаться возвращения из Гапсалья государя, дабы откланяться Его Величеству». Дело не обошлось и без чисто британской иронии. Когда Непиру объяснили, что по существующим правилам для получения паспорта следует написать об этом прошение на гербовой бумаге, «он на представленном ему чистом листе для скорости сделал бланковую надпись, присовокупив, что несколько не сомневается, ибо знает, с кем имеет дело» [4, л. 15]. Он-то присовокупил, а вы уж понимайте, как хотите! Может быть, императора хоть ирония проймет. Но не проняла.

Поняв, что с Александром II он не встретится, Непир посвятил оставшееся время своего пребывания в России осмотру разнообразных достопримечательностей. Программа его визитов становится более насыщенной и более разнообразной. Непир как будто «снимает мундир» и переодевается в цивильный костюм заезжего иностранца, становясь другим человеком. Он уже не проситель, он просто турист. В тот же день, 13 июля, в половине двенадцатого утра он еще пытался попасть в 1-й Кадетский корпус, но туда его «без билета» не пустил часовой. Тогда он пошел в Кунсткамеру, потом на Биржу, в Военное министерство, помещавшееся в знаменитом доме Лобанова-Ростовского¹³, в Конногвардейский и Михайловский манеж, в берейторскую школу и в дом генерал-лейтенанта Багговута¹⁴ (в донесениях агентов фамилия генерала безбожно переврана [Богоута, Богогоута], но зато слышится бойкий говорок петербургского простонародья) на Итальянской улице. В 16.00 вернулся домой и, отдохнув всего два часа, пошел в Коммерческое общество на Английской набережной. Вернувшись ненадолго в гостиницу, опять отправился в дом Багговута, а потом посетил Михайловский театр, вернулся домой в 23.00 [4, л. 16].

На следующий день визиты продолжились с такой же интенсивностью. С утра он

снова был в Коммерческом обществе и в Главном адмиралтействе. В половине первого поехал к начальнику пароходства¹⁵ Юнгу, который жил в доме Шпехта¹⁶ в Демидовском переулке¹⁷. Оттуда – в Английскую церковь, потом – в Английскую контору на Васильевском острове¹⁸. Увидев на Неве финский пароход, адмирал не удержался и поднялся на борт для осмотра судна. В 15.00 вернулся домой и в половине пятого опять пришел в дом Багговута, где пробыл полтора часа. Потом он провел час в Смольном монастыре и в 20.00 вернулся домой. На этом донесение агента наружного наблюдения заканчивается сообщением о том, что Непир «более не выезжал» [4, л. 17]. Но его дополняет другой агент, заметивший, что в 21.00 адмирал снова вышел из гостиницы и направился по Невскому проспекту в дом Струбинского¹⁹, откуда вернулся через час [4, л. 18 об.].

В воскресенье, 15 июля, Непир был приглашен на обед в Петергоф к Андерсону²⁰ [4, л. 6]. Но, видимо, общество петербургских англичан ему уже надоело (чувство оказалось взаимным), и он в этот день в 11 часов утра уехал в Кронштадт [4, л. 21]. Здесь и начинается, собственно говоря, то, что Тарле обозначил выражением: его «возили по всем кронштадтским укреплениям». Адмирала принял военный губернатор²¹, с которым он обедал, а потом, в сопровождении адъютанта губернатора и капитан-лейтенанта графа Ламсдорфа, осмотрел «город, небольшую часть гаванной стенки и самую гавань...». Вечером «отправился... обратно в С. Петербург» [4, л. 19]. В тот же день в Кронштадт вошел военный транспорт «Темза» с прислугой (50 чел.), экипажами и лошадьми чрезвычайного посла Великобритании лорда Гренвилла (Гранвиля)²² [4, л. 20], прибывшего на церемонию коронации Александра II. Это была уже новая страница послевоенных русско-британских отношений, полностью так и не восстановившихся до конца и через 20 лет обострившихся из-за расширения влияния России на Балканах и в Средней Азии, что опять создавало опасность для геополитических интересов Лондона.

17 июля Непир вновь прибыл в Кронштадт с разрешением великого князя Константина Николаевича «осмотреть все отдельные крепости» [4, л. 22]. Больше в деле докумен-

тов нет и об осмотре адмиралом Ревеля и Гельсингфорса ничего не сказано. Впрочем, может быть, документы отложились в другом архивном деле. Но обрыв этот, буквально на полуслове, весьма показателен. Интерес к Непиру, действительно, пропал, ибо он представлял собой (и для русских, и для британских властей) в полном смысле слова уходящую натуру. В Петербурге о нем больше не вспоминали. Экземпляр его донесений в Адмиралтейство, имевшийся в Публичной библиотеке (ныне – Российская национальная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина), пролежал неразрезанным с 1857 г. вплоть до того дня, когда Тарле прочитал книгу для подготовки собственного труда о Крымской войне²³ [12, т. I, с. 43].

В 1856 г. две страны стремились быстрее забыть только что окончившуюся войну, начать все с чистого листа. «Дело Непира» подлежало сдаче в архив, хотя его и следовало «хранить на всегда». Оно любопытно со многих сторон, прежде всего, конечно, своей политической и военной составляющей, но и с точки зрения изучения взаимных представлений россиян и британцев друг о друге. Следует также обратить внимание на еще одно важное обстоятельство. Перед нами предстал британец первой половины XIX века. Не скажу, что это был абсолютно типичный британец (вспомним характеристику Лаутона), но он проявляет качества, принципиально важные для понимания того, как нация мореходов выжила среди стольких опасностей и утвердила свое влияние в мире.

Непир, борясь за оправдание, продемонстрировал упорство в достижении цели, внутреннее сознание своей правоты, желание во что бы то ни стало отстоять личную честь, на которую покусились политики. Россию он воспринимает как равного партнера и не видит ничего зазорного в том, чтобы обратиться к ее генерал-адмиралу и монарху с просьбой о помощи в реабилитации. Во время пребывания в Петербурге Непир проявил необычную для 70-летнего старика активность и любознательность. Объектами его внимания (их он, как правило, посещал пешком) становятся прежде всего военные и военно-морские учреждения, училища, крепости, стоянки флота, но также национальные святыни русской сто-

лицы (хотя, возможно, для британца они были туристическими достопримечательностями, не больше), места концентрации коммерческой активности, центры общественной, научной и культурной жизни. Все это рисует нам просвещенного человека с большим желанием познать особенности жизни и менталитета народа, заслужившего его уважение.

Жаль, что он стал объектом закулисной игры сначала британских, а потом русских властей. Но политика всегда цинична, и ее представители никогда не остановятся перед тем, чтобы, сначала развязав войну и поссорив народы, потом, исходя из своих интересов, переложить ответственность на исполнителя, сделав его в глазах людей трусом и сутягой или даже заморским «вампиром». Мне представляется, что конфронтационное мышление, сформированное в период Крымской войны усилиями властей и средств массовой информации, на длительный период закрепило взаимные негативные образы в сознании двух народов. Российско-британские отношения были напряженными (если не сказать большего) на протяжении всей оставшейся части XIX века. Россия переориентировалась на Францию и (в меньшей степени) на США, Великобритания стояла на пороге эпохи «блестящей изоляции». Только появление в лице Германии опасного противника, утвердившегося на границах британских колониальных владений в разных частях света и, в конце концов, сломавшего «баланс сил» в Европе, заставило Лондон и Петербург забыть разногласия, совместно выступив против Берлина в 1914 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду командующий британской кавалерией генерал-майор Дж. Ч. Бингем (Бингэм), лорд Лукан (Лекэн). Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. он был наблюдателем при штабе русской армии.

² Великий князь Константин Николаевич (1827–1892), генерал-адмирал русского флота, младший брат Александра II.

³ Это было уже второе письмо Непира к Пальмерстону. Первое письмо с просьбой о защите и поддержке было отправлено 8 февраля [н. ст.] 1855 года. В нем адмирал писал: «Я долго служил вам, и служил на различных местах, и я знаю, что

всегда я проводил ваши взгляды и что никогда вы не жалели, что я нахожусь под вашим начальством. Я прошу ваше сиятельство затребовать бумаги и представить их кабинету. Ведь, наверное, в этой свободной стране человек, который имел в руках верховное командование над балтийским флотом, не может же быть выброшен вон с позором и стыдом» (цит. по: [12, т. II, с. 99]). Ответа на него Непир не получил, чем и была вызвана отправка второго письма.

⁴ Здесь и ниже: подчеркнутые слова подчеркнуты в тексте документов.

⁵ Дж. Вудгауз (Вудхауз, Wodehouse, 1826–1902) – британский дипломат и государственный деятель. В 1856–1858 гг. – посланник в Петербурге. В 1864–1866 гг. – лорд-наместник Ирландии. В 1866 г. за заслуги на государственной службе получил титул лорда Кимберли (Earl of Kimberley).

⁶ Английская (Англиканская) церковь в Петербурге была основана в XVIII веке. Она находилась на Английской набережной возле дома Главного Морского штаба. Здание церкви большими воротами выходило на Галерную улицу (Греч А. [Н.] Весь Петербург в кармане : Справочная книга для столичных жителей и приезжих, с планами Санкт-Петербурга и четырех театров, составленная Алексеем Гречем. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : В тип. Н. Греча, 1851. С. 16).

⁷ Вероятно, имеется в виду живший в Петербурге «мастер сибирских железных дел» Гилл (Хилл, Hill) (о нем см.: [2, с. 408]).

⁸ Иван Иванович (Иоганн Люциус) Излер (Isler, 1810–1877) – петербургский антрепренер и кондитер, швейцарец по происхождению. В 1848 г. арендовал существовавший с 1830-х гг. на земле гр. Строганова в «Новой Деревне» воксал заведения искусственных минеральных вод (также известный как «сад Излера»).

⁹ Франц Карлович Берд (Baird, 1802–1864), сын Карла Николаевича (Чарльза) Берда (1766–1843) – инженера и предпринимателя, выходца из Шотландии, с 1786 г. находившегося в России. К.Н. Берд создал в Петербурге знаменитый завод металлических изделий. Ф.К. Берд успешно продолжил дело отца.

¹⁰ «Среди столичной агентуры III Отделения были не только русские, но и иностранцы (француз и француженка, англичанин и немец)» [13, с. 207]. Может быть, Лонланд и был этим англичанином?

¹¹ Дом Энгельгардтов – центр музыкальной жизни Петербурга конца XVIII – первой половины XIX века.

¹² Дубельт был главноуправляющим III-м Отделением с марта 1839 г. по (официально) август 1856 года. Может быть, именно поэтому дело о выдаче Непиру заграничного паспорта поручили

именно ему, а не Долгорукову. В день коронации Александра II 6 августа 1856 г. Дубельта произвели в чин генерала от кавалерии.

¹³ Дом Лобанова-Ростовского (в обиходе «Дом со львами») – городская дворянская резиденция, возведенная в 1817–1820-х гг. для кн. А.Я. Лобанова-Ростовского по проекту архитектора О. Монферрана в стиле классицизма. С 1829 по 1917 г. в доме Лобанова-Ростовского размещалось Военное министерство России.

¹⁴ Вероятно, это был дом, принадлежавший семье генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута (1761–1812) – героя Отечественной войны 1812 года. Во время войны он командовал 2-м пехотным корпусом, убит в сражении под Тарутином 6 октября 1812 г.

¹⁵ Санкт-Петербургско-Любекское пароходство, основанное в 1830 г. (ныне – Балтийское морское пароходство [БМП]).

¹⁶ Дом купца Шпехта – одна из частей огромной городской усадьбы князей Демидовых.

¹⁷ С 1952 г. Демидовский переулок называется переулком Гривцова.

¹⁸ Английские торговцы с XVIII в. жили в основном на Васильевском о-ве, где находилась биржа, и на Английской набережной, которая именно по этой причине получила свое название.

¹⁹ Дом титулярного советника В.И. Струбинского, который находился на углу Невского проспекта и Малой Морской улицы.

²⁰ Скорее всего, имеется в виду суконный фабрикант М. Андерсон (Anderson), совладелец фирмы «Андерсон, Браун и Моберли», или кто-то из его наследников. О нем см.: [2, с. 99]; ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 3 : 1828 г. Д. 214 : О домогательстве торгового дома Андерсон и Моберли об избавлении их от убытка, которым они угрожаются исполнением высочайше утвержденного положения 1828-го года, апреля 4-го о сукнах. 8 л. ; Там же. Ф. 1463 (Коллекция отдельных документов личного происхождения). Оп. 2. Д. 69-а : Записка Андерсона неустановленному лицу (с образцами сукна). 8 февраля 1828 г. 3 л. На фр. яз.

²¹ В 1855–1866 гг. главным командиром Кронштадтского порта и одновременно военным губернатором Кронштадта был генерал-адъютант, адмирал Ф.М. Новосильский (1808–1892), герой Синопского сражения и обороны Севастополя.

²² Лорд Дж. Гренвилл (Granville, 1815–1891) – преемник Пальмерстона (с 1852 г.) на посту министра иностранных дел, а с 1852 по 1866 г. (с небольшими перерывами) – председатель Тайного совета королевы Виктории.

²³ Первое издание двухтомной книги Тарле о Крымской войне относится к 1941–1944 годам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровин, Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века / Н. Ф. Дубровин ; изд. подгот. П. В. Ильиным. – СПб. : Изд-во ДНК, 2007. – 645 с.

2. Кросс, Э. [Г.] Британцы в Петербурге: XVIII в. / Э. [Г.] Кросс ; пер. с англ. Н. Г. и Ю. Н. Беспятых. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. – 528 с.

3. Курилла, И. И. * Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е гг. / И. И. Курилла. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 488 с.

4. О Великобританском подданном, Вице-Адмирале Чарлсе Непире. 8 июля 1856 [г.] // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 109 (III-е Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). – 3-я экспедиция. – Оп. 141 : 1856 г. – Д. 563. – Л. 1–22.

5. О восприятии французам и англичанам жить в летом в прибрежных окрестностях С. Петербурга // ГА РФ. – Ф. 109. – 1-я экспедиция. – Оп. 29 : 1854 г. – Д. 400, ч. 4. – Л. 1–29.

6. О наблюдении за посланниками лордом Сеймуром и Кастельбажаком и за другими англичанами и французами в С. Петербурге // ГА РФ. – Ф. 109. – 1-я экспедиция. – Оп. 29 : 1854 г. – Д. 400, ч. 3. – Л. 1–4.

7. О наблюдении за французским поверенным в делах бароном Бургоэнем // ГА РФ. – Ф. 109. – 1-я экспедиция. – Оп. 6 : 1831 г. – Д. 400, ч. 4. – Л. 1–6.

8. Орлов, А. [А.] «И прицелим прямо в глаз смелому Непиру...» Рифмованная англофобия времен Крымской войны / А. [А.] Орлов // Родина. – 2003. – № 5-6 : Специальный выпуск «Россия и Великобритания: 450 лет». – С. 85–88.

9. Орлов, А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн / А. А. Орлов. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 368 с.

10. Рассел, У. Г. Крымская война. Личные воспоминания / У. Г. Рассел ; пер. с англ. и коммент. Д. В. Соловьева. – СПб. : Издат. группа «Лениздат» ; Команда А, 2013. – 160 с.

11. Тарле, Е. В. Наполеон III и Европа. От Парижского мира до начала министерства Бисмарка в Пруссии (1856–1862 гг.) : гл. 11 / Е. В. Тарле // История дипломатии. В 3 т. Т. 1 / под ред. В. П. Потемкина. – М. : ОГИЗ ; Соцэкгиз, 1941. – С. 470–488.

12. Тарле, Е. В. Крымская война. В 2 т. / Е. В. Тарле. – М. : Изографус ; Эксмо, 2003. – Т. I. – 560 с. ; Т. II. – 608 с.

13. Тихонова, А. В. «Надлежаще смотреть...» Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861) / А. В. Тихонова. – Смоленск : СмолГУ ; Свиток, 2013. – 256 с.

14. Успенский, В. М. Медведи, Казаки и Русский Мороз. Россия в английской карикатуре до и

* Включен в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации.

после 1812 года / В. М. Успенский, А. А. Россомхин, Д. Г. Хрусталеv. – СПб. : Арка, 2014. – 252 с., 150 ил. – (Россия глазами Запада).

15. L[oughton], J. K. Napier, Sir Charles / J. K. L[oughton] // *The Dictionary of National Biography* : Founded in 1882 by G. Smith : From the Earliest Times to 1900 / eds. by Sir L. Stephen and Sir S. Lee. – L. : Oxford University Press ; Geoffrey Cumberlege, [1949–1950]. – Vol. XIV : Myllar–Owen. – P. 38–45.

16. *The History of the Baltic Campaign of 1854. From Documents and Other Materials furnished by Vice-Admiral Sir C. Napier, K.C.B.* / ed. by G. Butler Earp. – L. : Richard Bentley, 1857. – 622 p.

17. *The Life and Correspondence of Admiral Sir Charles Napier, K.C.B., from Personal Recollections, Letters, and Official Documents.* In two vols. / ed. by Major-General Elers Napier. – L. : Hurst and Blackett, Publishers, 1862. – Vol. I. – 470 p. ; Vol. II. – 419 p.

REFERENCES

1. Dubrovin N.F. *Russkaya zhizn v nachale XIX veka* [Russian Life at the Beginning of the 19th Century]. Saint Petersburg, Izd-vo DNK, 2007. 645 p.

2. Kross E.[G.] *Britantsy v Peterburge: XVIII v.* [The British in St. Petersburg: 18th Century]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2005. 528 p.

3. Kurilla I.I. *Zaokeanskie partnery: Amerika i Rossiya v 1830-1850-e gg.* [Overseas Partners: America and Russia in 1830-1850's]. Volgograd, izd-vo VolGU, 2005. 488 p.

4. O Velikobritanskom poddannom, Vitse-Admirale Charlse Nepire. 8 iyulya 1856 g. [About the British Citizen, Vice-Admiral Charles Napier. July 8, 1856]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF)* [State Archive of the Russian Federation], F. 109 (Third Department of His Imperial Majesty's Office). 3rd Expedition. Op. 141: 1856, D. 563, L. 1-22.

5. O vospreshchenii frantsuzam i anglichanam zhitelstvovat letom v pribrezhnykh okrestnostyakh S. Peterburga [On Banning the French and English from Living in the Coastal Surroundings of St. Petersburg during Summer]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF)* [State Archive of the Russian Federation], F. 109. 1st Expedition. Op. 29: 1854, D. 400, part 4, L. 1-29.

6. O nablyudenii za poslannikami lordom Seymurom i Kastelbazhakom i za drugimi anglichanami i frantsuzami v S. Peterburge [On Surveillance of the Messengers by Lord Seymour and Castelbajac and Other British and French in Saint Petersburg]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF)* [State Archive of the Russian Federation], F. 109. 1st Expedition. Op. 29: 1854, D. 400, part 3, L. 1-4.

7. O nablyudenii za frantsuzskim poverennym v delakh baronom Burgoenem [On Surveillance of the

French Charge D'affaires Baron de Burgoing]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF)* [State Archive of the Russian Federation], F. 109. 1st Expedition. Op. 6: 1831, D. 400, part 4, L. 1-6.

8. Orlov A.[A.] "I pritselim pryamo v glaz smelomu Nepiru...". *Rifmovannaya anglofobiya vremen Krymskoy voyny* ["We Point Directly into the Eye of Bold Napier...". Rhymed Anglophobia of the Crimean War Times]. *Rodina*, 2003, no. 5-6: Special Issue "Russia and Great Britain: 450 years", pp. 85-88.

9. Orlov A.A. *Soyuz Peterburga i Londona. Rossiysko-britanskiye otnosheniya v epokhu napoleonovskikh voyn* [The Alliance of St. Petersburg and London. Russian-British Relations in the Era of the Napoleonic Wars]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2005. 368 p.

10. Rassel U.G. *Krymskaya voyna. Lichnye vospominaniya* [Crimean War. Personal Memories]. Saint Petersburg, Lenizdat Publ.; Komanda A Publ., 2013. 160 p.

11. Tarle E.V. *Napoleon III i Evropa. Ot Parizhskogo mira do nachala ministerstva Bismarka v Prussii (1856-1862 gg.)*. Gl. 11 [Napoleon III and Europe. From the Treaty of Paris till the Ministry of Bismarck in Prussia (1856-1862)]. Ch. 11]. Potomkin V.P., ed. *Istoriya diplomatii. V 3 t. T. 1* [The History of Diplomacy. In 3 vols. Vol. 1]. Moscow, OGIZ Publ.; Sotsekgiz Publ., 1941, pp. 470-488.

12. Tarle E.V. *Krymskaya voyna. V 2 t.* [Crimean War]. Moscow, Izografus Publ.; Eksmo Publ., 2003. Vol. 1. 560 p.; Vol. 2. 608 p.

13. Tikhonova A.V. "Nadlezhashche smotret...". *Nadzor za inostrantsami v Rossiyskoy imperii (1801-1861)* ["Surveil Properly...". Surveillance of Foreigners in the Russian Empire (1801-1861)]. Smolensk, SmolGU Publ.; Svitok Publ., 2013. 256 p.

14. Uspenskiy V.M., Rossomakhin A.A., Khrustalev D.G. *Medvedi, Kazaki i Russkiy Moroz. Rossiya v angliyskoy karikature do i posle 1812 goda* [Bears, Cossacks and Russian Frost. Russia in English Caricature before and after 1812]. Saint Petersburg, Arka Publ., 2014. 252 p., 150 il. (Russia as Viewed by the West).

15. L[oughton] J.K. Napier, Sir Charles. Sir L. Stephen, Sir S. Lee, eds. *The Dictionary of National Biography Founded in 1882 by G. Smith: From the Earliest Times to 1900*. London, Oxford University Press; Geoffrey Cumberlege, [1949–1950], Vol. XIV, Myllar–Owen, pp. 38-45.

16. Butler Earp G., ed. *The History of the Baltic Campaign of 1854. From Documents and Other Materials furnished by Vice-Admiral Sir C. Napier, K.C.B.* London, Richard Bentley, 1857. 622 p.

17. Major-General Elers Napier, ed. *The Life and Correspondence of Admiral Sir Charles Napier, K.C.B., from Personal Recollections, Letters, and Official Documents.* In 2 vols. London, Hurst and Blackett Publ., 1862, Vol. 1. 470 p.; Vol. 1. 419 p.

Information About the Author

Aleksandr A. Orlov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of Department of Modern and Contemporary History, Moscow State Pedagogical University, Malaya Pirogovskaya St., 1/1, 119991 Moscow, Russian Federation, arkigolkin@yandex.ru.

Информация об авторе

Александр Анатольевич Орлов, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1/1, 119991 г. Москва, Российская Федерация, arkigolkin@yandex.ru.